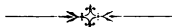

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.
1907 — 1908.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

«Матеріаль», одинадцятий випускъ которыхъ мы здѣсь разбирали, почти всё до сихъ поръ носили эти странные эпиграфы: «не подлежитъ оглашенію», «секретно». Къ счастью нынѣшній, послѣдній выпускъ вышелъ безъ такой приписки, хотя разницы въ смыслѣ «секретности» съ прежними выпусками, мы не находимъ рѣшительно никакой.

Будь прежніе выпуски, въ свое время, доступны свободной критикѣ, вѣроятно не пришлось-бы теперь указывать г. Баранову на многіе недосмотры, допущенные имъ въ разбираемомъ трудѣ. Многія изъ этихъ опущеній являются лишь повтореніями, опубликованнаго уже раньше самимъ г. А. Барановымъ и другими, въ предыдущихъ выпускахъ тѣхъ-же «Матеріаловъ по Маньчжуріи и Монголіи».

Андрей Руднев.

СПБ. 9 X / 26 IX 1907 г.

344. Paul Peeters. Une version arabe de la Passion de Sainte Cathérine d'Alexandrie (Analecta Bollandiana, tomus XXVI, 5—32).

Почтенный органъ отцовъ болландистовъ за послѣдніе годы въ каждомъ номерѣ доставляетъ новый и интересный матеріалъ изъ области христіанско-арабской литературы, которая до настоящаго времени является не вполне признанной сестрой прочихъ христіанскихъ литературъ востока, пользующихся большимъ вниманіемъ со стороны ученыхъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть благодарнымъ о. Р. Peeters'у, на плечахъ котораго лежитъ почти всецѣло вся восточная часть названнаго журнала¹⁾. Не мало ему помогаютъ, повидимому, живыя сношенія съ бейрутской школой арабистовъ, которой можно отдать пальму первенства въ разработкѣ данной вѣтви арабской литературы. На этотъ разъ Peeters по рукописи XVIII вѣка, найденной проф. Cheikho въ Хымсѣ, даетъ съ латинскимъ переводомъ текстъ арабской версіи страданій св. Екатерины Александрійской (листь 1^a—8^a по рукописи). Въ предисловіи (стр. 5—11) онъ перечисляетъ греко-латинскія версіи и опредѣляетъ ихъ соотношеніе, давая попутныя указанія на всю, довольно значительную литературу вопроса.

Имя о. Р. Peeters'a въ области агиологии и агиографіи уже пользуется заслуженной извѣстностью, а широта его кругозора, если принять во вниманіе знакомство помимо западныхъ языковъ чуть не со всѣми восточными, едва ли доступна многимъ изъ современныхъ богослововъ²⁾.

1) О нѣкоторыхъ работахъ Peeters'a въ этой области за прошлые годы я уже имѣлъ случай говорить. (См. Византійскій Временникъ, т. XIII, біографія, стр. 704—705).

2) Р. Peeters является, между прочимъ, однимъ изъ немногихъ заграничныхъ ученыхъ, которые владѣютъ и русскимъ языкомъ. Это позволяетъ ему давать систематическіе отчеты о работахъ нашихъ ориенталистовъ, затрагивающихъ вопросы церковной исторіи: проф. Н. Марра, Б. Тураева и др.

Обычными достоинствами отличается и введеніе къ разсматриваемой работѣ. Оставляя его оцѣнку богословскимъ журналамъ, пишущій эти строки хотѣлъ бы остановиться только на самомъ изданіи арабскаго текста и принципахъ, положенныхъ издателемъ въ основаніе. Это представляется тѣмъ болѣе умѣстнымъ потому, что въ томъ же выпускѣ *Analecta Bollandiana* помѣщена (стр. 117—120) большая рецензія на извѣстную работу проф. Н. Марра: «Крещеніе армянь, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ»¹⁾, въ которой Peeters высказываетъ свои замѣчанія по поводу методовъ изданія и изслѣдованія текста, нѣсколько расходясь съ проф. Марромъ. Эти замѣчанія въ связи съ собственной работой Р. Peeters'a и краткимъ введеніемъ къ самому тексту (стр. 12—13) позволяютъ болѣе или менѣе выяснитъ взглядъ автора на систему изданія памятниковъ христіанско-арабской литературы. При оживленіи, замѣчающемся въ этой области за послѣднее время, теперь болѣе чѣмъ когда-либо слѣдовало бы установить однообразные для всѣхъ принципы, которые давно уже признаны въ другихъ областяхъ. Что этого не сдѣлано до сихъ поръ и что объ этомъ приходится говорить еще и теперь, — объясняется чисто внѣшними условіями. Памятники христіанской литературы издавались до сихъ поръ преимущественно или богословами, иначе говоря лицами, которые не церемонились съ формой, такъ какъ для нихъ было важно содержаніе²⁾, или арабистами, воспитавшимися на классически-мусульманскихъ памятникахъ и подходившими къ христіанскимъ текстамъ съ предвзятымъ мнѣніемъ объ ихъ «испорченности» и о необходимости «исправлять»³⁾. Благодаря такому взгляду здѣсь открывался полный просторъ субъективизму и на каждой строчкѣ допускались такія «исправленія» и коньектуры, которыя быть можетъ то же самое лицо не позволило себѣ сдѣлать въ мусульманскомъ памятникѣ. Отъ такой точки зрѣнія не всегда удается отрѣшиться еще и теперь даже выдающимся дѣятелямъ въ этой области, какъ L. Cheikho⁴⁾; это самое обстоятельство позволяетъ появляться и въ такомъ авторитетномъ изданіи, какъ *Patrologia Orientalis*, предисловіямъ, гдѣ идетъ рѣчь объ «испорченности» и «искаженности» христіанско-арабскаго языка⁵⁾. Нынѣшнее состояніе арабской діалектологіи помогаетъ, однако, видѣть въ

1) Записки Восточнаго Отдѣленія И. Р. А. О. т. XVI, 63—211.

2) Сюда можно отнести почти всѣхъ представителей сирійской школы.

3) Такой взглядъ, напримѣръ, высказывалъ безвременно умершій G. Salmon. (См. Византійскій Временникъ — XIII, 709—710).

4) См., напримѣръ, его предисловіе къ одному трактату Павла ар-Рāhуба въ *المشرق* 1¹т, т. VIII (1903), стр. 552.

5) См., напримѣръ, предисловіе Chébli къ изданію *Réfutation d'Eutychius par Sévère, évêque d'Achmouaïn*.

этихъ памятникахъ не искаженіе классическаго языка, а сохраненные въ письменномъ видѣ образчики народныхъ діалектовъ, которые конечно во всѣ эпохи значительно отличались отъ классическаго, связаннаго формами корана и древней поэзіи. Такъ какъ эти памятники являются единственными, уцѣлѣвшими отъ вліянія, быть можетъ, искусственной грамматической теоріи, то понятно, какую важность приобретаютъ они для арабиста-діалектолога. Поэтому и настоящая оцѣнка ихъ въ данномъ отношеніи будетъ по всей вѣроятности исходить отъ лингвистовъ, а не богослововъ. При строго научныхъ принципахъ, которые теперь проводятся и высказываются такими выдающимися діалектологами, какъ Landberg, Littmann, Stumme, Kampffmeier и др. — этого ждать повидимому недолго. За послѣднее время замѣтны уже большіе шаги впередъ: правильную оцѣнку получаютъ эти памятники въ большой работѣ Vollers'a, *Volkssprache und Schriftsprache im alten Arabien*¹⁾; иногда она является предметомъ и специальныхъ изслѣдованій, преслѣдующихъ именно такія задачи²⁾. При этой единственно правильной для арабиста точкѣ зрѣнія, тѣмъ самымъ выясняются требованія, которыя могутъ быть предъявлены ко всякому издателю христіанско-арабскаго текста. Онъ, конечно, не долженъ быть обязательно лингвистомъ-діалектологомъ, но интересуясь памятникомъ съ богословской или литературной стороны, онъ не имѣетъ права забывать, что даетъ въ то же время матеріалъ и для лингвиста. Поэтому онъ долженъ издавать текстъ по возможности въ томъ видѣ, какъ его даетъ рукопись, предославляя будущимъ поколѣніямъ лингвистовъ разбиратель, гдѣ заключается простая описка, а гдѣ фиксированъ быть можетъ цѣнный лингвистическій фактъ данной эпохи³⁾. Теперь же, при нынѣшнемъ состояніи и арабской діалектологіи и исторіи христіанско-арабской литературы, даже выдающійся знатокъ не будетъ въ состояніи сдѣлать это, руководствуясь исключительно своимъ чутьемъ⁴⁾. Такой принципъ долженъ вмѣняться въ прямую обязан-

1) Straszburg 1906. (См., вѣпр. стр. 82. Однородныя мысли Vollers высказывалъ и въ *Zeitschrift für Assyriologie* — XII, 82).

2) Напримѣръ диссертація Ram'a, *Qissat Mār Elijā (die Legende vom hl. Elias)*, als Beitrag zur Kenntniss des arabischen Vulgärdialekte Mesopotamiens nach der Hds. Codex Sachau 15 der Kgl. Bibl. zu Berlin. Lpz. 1906.

3) Такая система вполне отвѣчаетъ желанію серьезныхъ діалектологовъ: Landberg, напр., еще четверть вѣка тому назадъ настаивалъ на необходимости изданія Tischendorf'sкихъ рукописей *sans retouche*. (*Proverbes et dictons du peuple arabe*, Leyde 1883, стр. XXIV, прим. 1).

4) Для памятниковъ эіопской письменности Peeters не признаетъ существованія теперь какихъ-либо критеріевъ. Въ томъ же томѣ *Analecta Bollandiana* (стр. 371) онъ пишетъ: «. . . . les éditeurs de textes éthiopiens doivent se trouver plus loin encore de posséder la règle d'après laquelle ils pourront amender à coup sûr la cacographie des copistes — si tant

ность, когда издание дѣлается по одной рукописи (что бываетъ въ большинствѣ случаевъ), еще болѣе когда рукопись относится къ древнему времени (напр. къ IX—XI вв., отъ которыхъ мусульманскихъ памятниковъ дошло сравнительно немного).

Такого взгляда держался, повидимому, и проф. Марръ въ своемъ изданіи¹⁾; по крайней мѣрѣ, главный упрекъ, который ему дѣлается Peeters'омъ сводится къ тому, что въ этой работѣ «on trouvera beaucoup de remarques utiles, nouées malheureusement parmi des observations un peu trop élémentaires» и что «les moindres anomalies de l'écriture sont notées avec un soin vraiment trop minutieux»²⁾. Дѣлая такой упрекъ, Peeters тѣмъ самымъ открываетъ путь именно къ упомянутому выше опасному субъективизму: то, что является элементарнымъ для такого знатока, какъ Peeters, будетъ далеко не лишнимъ для многихъ другихъ менѣе опытныхъ изслѣдователей арабско-христіанской литературы, гдѣ нѣкоторые, какъ показали послѣдніе годы, обладаютъ иногда очень относительными познаниями въ арабскомъ языкѣ. За «anomalie de l'écriture» быть можетъ кроется интересная фонетическая или грамматическая особенность, которая теперь непонятна, но станетъ ясна только при дальнѣйшей разработкѣ арабской диалектологіи. Никто, конечно, не будетъ отрицать, что для такой тщательности въ изданіи требовалась большая самоотверженность со стороны «l'éminent arméniste» и тѣмъ болѣе благодарны будутъ ему слѣдующія поколѣнія арабистовъ, которыя получаютъ возможность пользоваться именно въ такомъ видѣ этой, по выраженію Peeters'a «trouvaille, comme les explorateurs de l'ancienne littérature arabe-chrétienne n'en rencontreront plus souvent»³⁾.

est qu'une telle règle existe pour cette littérature semi-barbare». Едва ли, однако, Р. Р. станетъ спорить, что христіанская литература на арабскомъ языкѣ разработана въ научномъ отношеніи еще слабѣе, чѣмъ зоопская.

1) Свои принципы онъ неоднократно повторяетъ въ разныхъ мѣстахъ труда: см., напр., стр. 161, 184—191, 210 и др.

2) Стр. 119—120.

3) Что касается высказаннаго Peeters'омъ мнѣнія, будто въ работѣ есть «ça et là des légères inexactitudes comme l'éminent arméniste n'en commet guère dans sa spécialité propre», — то его слѣдовало бы обосновать болѣе вѣскими фактическими данными, чѣмъ единственный (!) примѣръ, выбранный къ тому же совершенно неудачно. Peeters пишетъ: «Ainsi p. 183, l. 19 il y a un sic de trop à côté du mot شيخين, qui n'est pas un pluriel, mais un duel parfaitement régulier et parfaitement en place». Вся фраза имѣетъ въ текстѣ слѣдующій видъ: (sic) من قول إجمنا قاله على سوسنة العفيفة الشريفة وعلى شيخين الشعب. Ясно, что duel является далеко не «parfaitement régulier», такъ какъ сохраняетъ свой вѣкъ, не смотря на стоящее дальше опредѣленіе въ род. пад. — الشعب — старцы народа. Это и вызвало sic издателя; какимъ образомъ Peeters при его познаніяхъ въ арабскомъ языкѣ могъ подумать, что издатель принялъ эту форму за множественное число — трудно объяснить.

Высказанные въ рецензіи взгляды P. Peeters примѣняются, конечно, и въ собственной работѣ, къ рассмотрѣнію которой мы теперь и перейдемъ. Въ предисловіи къ арабскому тексту (стр. 12—13) онъ пишетъ: «Sous peine de devoir récrire le document d'un bout à l'autre, il fallait se borner à rectifier les incorrections, qui dénaturent soit le mot, soit la fonction grammaticale. D'après ce principe, nous avons corrigé des formes telles que *حظرت. قوت. كثرت. لکی* etc. pour *حضر قوة. كثرة. لك* etc. Mais de simples fantaisies orthographiques sans conséquence comme *قلتی. توبأکی. انتی* ont été maintenues». Уже въ приведенномъ рядѣ примѣровъ чувствуется нѣкоторая непослѣдовательность: возстановляя, напр., классическую форму *لك* авторъ очевидно, хочетъ избѣгнуть смѣшенія ея съ частицей *لِکِ*. Ясно, однако, что въ контекстѣ онѣ могутъ быть смѣшаны только такимъ лицомъ, которое обладаетъ болѣе чѣмъ элементарными познаніями въ арабскомъ языкѣ и, значить, Peeters, примѣняясь къ этимъ познаніямъ, за что онъ упрекаетъ проф. Марра, самъ погрѣшаетъ значительно сильнѣе: онъ нарушаетъ извѣстную систематичность рукописи и измѣняетъ характеръ ея орфографіи. Насколько внѣшними и субъективными являются высказанные принципы легко замѣтить по той непослѣдовательности, которую они мѣстами вносятъ въ текстъ¹⁾. Иногда такая субъективность ведетъ къ болѣе важнымъ результатамъ. На стр. 18,6 напр., Peeters замѣняетъ форму *بقا* классической *بقى*, объясняя первую, повидямому, простой ошибкой или безграмотностью переписчика. Можетъ быть это и такъ, но можетъ быть причина лежитъ и глубже: комментаторъ Хамасы Тебрузій, объясняя форму *بقا = بُنَّتْ*²⁾, говорить, что она на ряду съ аналогичными *بقا = رضی* и др. представляетъ особенность тайтскаго діалекта³⁾. Этимъ я вовсе не хочу предрѣшать вопроса о преимущественномъ вліяніи извѣстныхъ говоровъ на нѣкоторые памятники христіанско-арабской литературы, что было бы болѣе чѣмъ преждевременнымъ при нынѣшнемъ состояніи науки, но въ то же время позволю себѣ указать, что однородное явле-

1) Странно видѣть, напр., на ряду съ «исправленной» формой *ولدت* (17,9) строчкой ниже такую же глагольную форму *التيبتی*, оставленную въ неприкосновенномъ видѣ и т. д.

2) Въ XVII т. ЗВО, стр. 0201, я слишкомъ категорично выразился, сказавъ, что такая форма не встрѣчается въ литературѣ. Ея существованіе, конечно, не измѣняетъ правильности поправки къ отмѣченной тамъ цитатѣ Graf'a.

3) См. *Namasae carmina* edidit G. Freytag — I, VV, 20-21. Эта особенность неоднократно обращала на себя вниманіе арабскихъ филологовъ: о ней говорить, между прочимъ, и Ибн-Синккитъ въ комментаріи къ одному стиху Туфейли Гаванія, приводя очень характерные примѣры изъ произведеній тайтскаго поэта Зейда-ал-Хайль. (См. JRAS за 1907 г., стр. 859, ст. 60).

ніе отмѣчалось въ литературѣ, и возможность такого вліянія въ болѣе широкихъ размѣрахъ допускаетъ Vollers¹⁾. Такимъ образомъ своей поправкой Peeters, быть можетъ, отнимаетъ лишній аргументъ у будущаго изслѣдователя этого вопроса²⁾. Едва ли также случайностью объясняется наблюдающаяся въ рукописи замѣна звука ض черезъ ط и обратно³⁾. Что здѣсь не простая «безграмотность», указываетъ то обстоятельство, что такая судьба постигаетъ только ض и ط, а не всѣ буквы одного разряда (какъ, напр., бываетъ въ эіонскихъ рукописяхъ съ обозначающими гортанные звуки). По всей вѣроятности и данное явленіе можетъ доставить не безынтересный матеріалъ для рѣшенія неоднократно уже возбуждавшагося вопроса о родственности двухъ этихъ звуковъ, не отличающихся уже другъ отъ друга въ египетскомъ, наримѣръ, діалектѣ⁴⁾; считать же его чисто случайнымъ едва ли можно.

Рукопись, по которой изданъ текстъ, дошла по всей вѣроятности далеко не въ удовлетворительномъ видѣ: это видно изъ того, что Peeters считаетъ возможнымъ и, повидимому, не безъ основаній вмѣсто ما بدر تجوبها читать من الموت فاطيعنی (16,10), вмѣсто الموت فاطيعنی (23,4) и т. д. Поэтому, когда форму اونъ замѣняетъ обычной اصنام (14,2; 16,2) это едва ли можетъ вызвать особая возраженія⁵⁾. Значительно труднѣе допустить конъектуру на стр. 19,7, гдѣ Peeters вмѣсто امر بحظارها рукописи читаетъ امر بحضورها. Онъ даетъ едва ли возможное и въ классическомъ языкѣ сочетаніе (حضر въ I породѣ глаголъ обыкновенно непереходный) и тѣмъ болѣе сомнительно, что бы оно имѣлось въ виду у автора версій. Графически легче допустима конъектура امر باحظارها, какъ дѣйствительно даетъ 28,4, по аналогичныя формы امر بعزاله — 27,9 — 30,5 (замѣняемая Peeters'омъ чрезъ обычныя بعزله و باخراجهم) заставляють предполагать не кроется ли здѣсь своеобразнаго вульгарнаго образованія по типу فعال.

1) Op. cit. 22,s; 23,v.

2) Къ счастью, Peeters имѣетъ обыкновеніе отмѣчать иногда забранные формы, но и при такой системѣ приходится вторично продѣлывать черновую работу возстановленія рукописи въ первоначальномъ видѣ.

3) Напр., въ разныхъ формахъ глаголовъ حضر — 13,2; 14,1; 14,3; 17,1; 18,12; 19,2 и др. نظر — 17,2; 22,6; 23,12; 29,4; 30,1,12 и т. д. ظن — 15,11; 17,9; 20,2, равно какъ и въ другихъ словахъ عظیم — 20,3; حظ — 32,11; ايضا — 14,4; 16,7.

4) См., напр., Brücke въ SBWA — XXXIV (1860), 309—319, 326, 327; W. Spitta-Bey, Grammatik des arabischen Vulgärdialectes von Aegypten, Leipzig 1880, стр. 10. Въ последнее время этого же вопроса касался Vollers, op. cit. На это явленіе обращалось вниманіе еще арабскими филологами: см., напр., Сюютый въ его المنزه (изд. 1282 г. I, 267—268), гдѣ приведенъ цѣлый рядъ примѣровъ.

5) Нѣсколько подозрительнымъ, правда, кажется, что эта форма встрѣчается неоднократно и что ей имѣется известная параллель въ видѣ غنام (14,1), тоже замѣняемая издателемъ черезъ классическое غنم.

Вообще едва ли можно согласиться съ Peeters'омъ, что «omission des points diacritiques, qui est en certains cas l'effet de la prononciation vulgaire, est presque une variété dialectale de l'arabe chrétien» (стр. 13). Явленія, объясняющіяся только диалектическими особенностями идутъ гораздо глубже въ самомъ изданномъ текстѣ¹⁾. Форму **قروها**, напр., нѣтъ никакой нужды «исправлять» черезъ **قرووها** (19,1), такъ какъ она представляетъ результатъ обычной въ христіанскихъ памятникахъ третировки глагола *tertiaе hamzatae*, какъ *tertiaе waw*²⁾. Безъ сомнѣнія вульгарная особенность кроется и въ формѣ **اوريك** = класс. **اريك** (18,4); эта же форма встрѣчается, по крайней мѣрѣ, въ одной христіанско-арабской рукописи Готы—Pertsch 2877 — въ совершенно ясной фразѣ (л. 98^о): **فاخذه ايضا ابليس الى جبل عال**; имѣется она и въ арабскомъ синаксарѣ (изд. Basset, *Patrologia Orientalis*—I, 235,3)³⁾. Форма **اقولك** — 24,4 представляетъ не случайность, а чисто народный способъ выраженія = класс. **اقول لك**. Нѣтъ необходимости, наконецъ, систематически замѣнять стоящій въ рукописи теньпъ фатхи черезъ теньпъ даммы даже въ такихъ выраженіяхъ, какъ **مررت بأحدًا** или **جأني رجلاً**. Какъ отмѣчалъ еще Fleischer (*ZDMG* — I, 155) и Wetzstein (*ZDMG* — XXII, 113) это — свойственный народному диалекту способъ выраженія неопредѣленнаго члена, одинаковаго во всѣхъ трехъ надежахъ. Къ этому объясненію примкнулъ въ новѣйшее время и Bittner въ своей образцовой работѣ *Der vom Himmel gefallene Brief Christi*, Wien 1906. (См. стр. 190 и passim).

Упомянутое уже состояніе рукописи въ нѣсколькихъ мѣстахъ затрудняетъ пониманіе текста: стр. 20,8 фраза дѣйствительно *maxime dubia* и ей мало помогаетъ конъектура Peeters'a; стр. 20,3 вм. **رسمت** чит. **رسمت**; 25,4 слишкомъ смѣла конъектура **تلبسینه** вм. **مشابهه**; 30,9 сомнительно **تلقها** вм. неяснаго **تلتها** (м. б. пыталъ *примтно*?).

Все сказанное выше показываетъ, на сколько интереснаго размышленія наводитъ послѣднее изданіе о. Р Peeters'a; вмѣстѣ съ тѣмъ оно показываетъ, что принципъ субъективности, отчасти проводимый въ изданіи нѣсколько затемняетъ нелишенные интереса, хотя и мелкіе факты, которые со временемъ могли бы принести пользу арабистамъ. Если дѣло касается такого знатока и авторитета, какимъ слѣдуетъ признать Peeters'a, то конечно на его субъективное чувство можно положиться, но у ученыхъ,

1) Peeters противорѣчить себѣ, отмѣчая (18,7) такую типичную форму, какъ **بترجعی** = класс. **ترجعی**.

2) Будучи послѣдовательнымъ на стр. 26,1 нужно было бы возстановить форму въ видѣ **لم اقرأ**, а не **اقرأ**.

3) Ср. еще и. пр. S. de Sacy, *Exposé de la religion des druzes* I, p. 185, note 1.

обладающихъ меньшими познаніями, этотъ принципъ легко можетъ повести къ очень печальнымъ результатамъ. Поэтому, нисколько не умалить заслугъ Peeters'a и достоинствъ его послѣдняго труда, если въ заключеніе замѣтки рецензентъ позволить себѣ высказать пожеланіе, чтобы на будущее время изслѣдователи христіанско-арабскихъ текстовъ обращались съ ними такъ же аккуратно и осторожно, какъ это принято въ другихъ родственныхъ областяхъ. Именно такой принципъ, проведенный систематически въ трудѣ проф. Н. Марра, вызоветъ особенную благодарность со стороны будущихъ поколѣній арабистовъ.

И. Крачковскій.

Гатчина. Июль 1907.
